

СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ, ДУХ И ДУХОВНОЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Аннотация. Можно ли говорить о духе, духовности, субъекте, личности в современную эпоху? Известно, что постмодернизм коренным образом трансформирует понятие личности. Он настаивает на том, что личность — это не лик божий в душе человека, а скорее мозаика множественных идентичностей, социальных ролей, масок, которые человек волен выбирать и изобретать по своему желанию. Таким образом, само понятие личности оказалось под вопросом.

Ключевые слова. Субъект, личность, индивид, дух, духовное, шизоид, фрагментация.

Abstract. Can you talk about the spirit, spirituality, the subject of the individual in the modern era? It is known that postmodernism radically transforms the concept of personality. He insists that the individual - it is not the face of God in the soul of man, but rather a mosaic of multiple identities, social roles, masks that man is free to choose and invent at will. Thus, the concept of identity was called into question.

Key words. Subject, person, individual, spirit, spiritual, schizoid fragmentation

Как замечает Мераб. Мамардашвили, мировые религии “отличаются от этнических религий прежде всего тем, что они обращены к *личности* и предполагают наличие в самом человеке начала и корня, который задан в нём как некоторый внутренний образ, или голос. И достаточно слышать этот голос и следовать ему, оказавшись один на один с миром, не цепляясь ни за какой внешний авторитет, никакую внешнюю опеку, пользуясь лишь этим

личностным источником, чтобы идти, и тогда в пути Бог поможет. Он поможет только идущему”¹.

Христианская антропология различает в человеке три реалии — тело, душу, дух и настаивает на необходимости целостного видения человеческой природы, в единстве его телесной, душевной и духовной форм жизни. Ориентация на Бога, на культ позволяет человеку выйти за пределы культуры, найти критерии трансцендентные ей. Поскольку христианское существование лично, диалогично, принадлежит бытию-общению человека и Бога, постольку христианская антропология претендует на ведущие позиции в истолковании тайны появления и развития личности.

Согласно этой антропологии, мир был приведён в бытие Божественной волей в результате акта творения, а человек — центральное существо во Вселенной, поставленное на грани двух миров, материального и духовного, и соединяющее их в себе. В античной философии человек — это “микрокосм”, он объемлет всё мироздание, придаёт ему смысл. Христианская антропология не отказывается от идеи “микрокосма”, но в учении Отцов Церкви она существенно меняет свой смысл и содержание. Человек есть образ и подобие вселенной, но подлинное его величие в том, что он причастен Божественной жизни в тайне образа и подобия Божия. Образ Творца в человеке открывается в том, что человек — личностное существо, как и Бог. Если в античном понимании для достижения высшей цели человек должен преодолеть в себе индивидуальное личностное начало, чтобы раствориться в безличной субстанции, то христианство утверждает абсолютно личностный характер отношений человека к Богу. Через единение с Богом человек призван преобразить себя и мир. Человек — малый “логос” в мироздании, через него мир находит своё выражение, от него зависит, станет ли мир совершенной гармонией — или будет увлечён в небытие. Свобода, которой вместе с разумом одарён человек, одновременно предполагает и возможность отпадения от Бога.

---

¹ Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.

Если в средневековой культуре в человеке — в качестве его составляющих — выделяют дух, душу и тело, то в новоевропейской — только душу (сознание) и тело. Модерн (современность) — обозначение исторического периода, связанного с индустриализмом, идеями экономического, социального, культурного прогресса, прав и свобод личности, правового государства и гражданского общества. В эту эпоху человек создает гуманистическую культуру с опорой на собственные силы, развивает техническую мощь, социальные институты, либеральную демократию. В Новое время в результате секуляризации возникает культура, центрированная на человеке и его мирских потребностях, идеалом становится всесторонне и гармонично развитый человек. Под духом, духовным, духовностью понимается уже не связь человека с Богом, но культура, культурное развитие человека.

Постмодернизм исходит из того, что человек как феномен не может быть «объяснительным принципом» при исследовании какого-либо «социального целого». Независимо от сознания и воли индивида через него, поверх него и помимо него проявляются силы, явления и процессы, над которыми он не властен или в отношении которых его власть относительна и эфемерна. В этот круг явлений входят мистифицированные в виде слепой безличной силы социальные процессы, язык и те сферы духовной деятельности, которые он обслуживает, область бессознательного желания как проекция коллективных бессознательных импульсов. Свобода возможна лишь в этом узком пространстве по краям конкурирующих структур, господствующих дискурсов.

То, что классика называла человеческим «Я», постмодернизм полагает чистой возможностью, актуализируемой в самых различных формах: «Я» — это мои обстоятельства и функционально различные реакции на них. Среди множества всех «Я-формирующих» структур важное место принадлежит информационным структурам. Пока доступ к ним затруднен, пока каналы информации немногочисленны, формирование когнитивных процессов

происходит медленно, и есть иллюзия, что оно всерьез зависит от «сознания» или «мышления». Но как только доступ становится практически неограниченным, количество каналов увеличивается неимоверно, иллюзия автономности и суверенности «Я» развеивается. Это и есть «смерть субъекта».

В классической европейской философии Бог — незаменимый компонент мира². Философия Ницше была первой попыткой констатировать смерть Бога и радикально пересмотреть проблему человека. Весь XX век характеризуется кардинальным пересмотром и трансформацией классических философских понятий, исчезновением Бога из философских рассуждений. Более того, сам дискурс о Боге становится излишним и маргинальным.

«Сегодня нигилизм – это нигилизм прозрачности, и этим он в каком-то роде более радикален, более критичен, чем его предшествующие и исторические формы, поскольку эта прозрачность, это колебание, неизбежно означает прозрачность системы, а также прозрачность любой системы, посягающей еще на ее анализ. Когда Бог умер, оставался еще Ницше, который это говорил – великий нигилист перед лицом Вечности и трупом Вечности. Но перед лицом симулированной прозрачности всех вещей, перед лицом симулякра материалистического или идеалистического исполнения в гиперреальности (Бог не умер, он стал гиперреальным), нет больше теоретического и критического Бога для того, чтобы признать своих»³.

Констатируя смерть Бога, постмодернистская философия заявляет, что за ней наступает и смерть субъекта, человека. Что это такое — «смерть человека»? Мишель Фуко полагает, что само использование термина «субъект» — дань классической философской традиции: анализ субъекта есть анализ условий, при которых возможно выполнение индивидом функции субъекта. Поскольку человеческий субъект является продуктом культурной адаптации, постольку абсолютного субъекта не существует. Индивид — это

---

² Жиль Делез обращает внимание на то, что в классическую эпоху все силы человека соотносились с одной силой, силой репрезентации, которая притязала на то, чтобы извлечь из человека все, что в нем есть позитивного или же возвышаемого до бесконечности. В результате получался не человек, а Бог, человек мог предстать только между порядками бесконечного. Например, силу понимания можно увеличивать до бесконечности, и тогда получится, что человеческое понимание представляет собой лишь ограничение бесконечности понимания. Классическая мысль непрестанно пропадает в бесконечности. «...Развертывать, постоянно развертывать — «объяснять». Что такое Бог, как не всеобщее объяснение, как не наиболее яркий пример развертывания?» (Делез Ж. Фуко. М., 1988. С. 163).

³ Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с англ. Тула, 2013. С. 199. Никлас Луман замечает, что: «под утверждением «Бог — мертв» подразумевают невозможность идентификации последнего наблюдателя». (Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005. С. 185).

идеологический конструкт и реальность, фабрикуемая специфической технологией власти — дисциплинарными практиками. Соответственно мы всегда обязаны уточнять, в каком поле субъект является субъектом и субъектом чего: дискурса, желания, экономического процесса и так далее.

Когда цитируют слова Фуко о том, что «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»⁴, то обычно это высказывание трактуют буквально, то есть имеют в виду либо исчезновение людей с поверхности планеты Земля, либо перерождение человека в «постчеловека». В действительности же, говоря о «смерти человека», Фуко говорит совсем о другом:

«Речь идет не о том, чтобы утверждать, что человек умер, но о том, чтобы отправляясь от темы — которая вовсе не мне принадлежит и которая с конца XIX века беспрестанно воспроизводится, — что человек умер (или что он скоро исчезнет, или что ему на смену придет сверхчеловек), — чтобы, отправляясь от этого, понять, каким образом, согласно каким правилам сформировалось и функционировало понятие человека»⁵.

Фуко доказывает, что на протяжении своей истории люди меняли свою субъективность, формировали себя при помощи различных субъективностей, не связанных с какой-то конечной «сущностью» человека. Редукция человека к классу, производственной единице, носителю мировых ценностей, представителю абстрактного рода превращает человека в схему. Фуко же интересуется иное, а именно: как складывался субъект в ту или иную историческую эпоху, каково отношение между формированием субъекта, практиками власти и «играми истины». Субъект у него — не субстанция, не сущность, не монада, но форма, не тождественная самой себе⁶.

---

⁴ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. с фр. М., 1977. С. 404.

⁵ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М., 1996. С. 43.

⁶ Об этом же пишет Петер Слотердаjk: «фраза мой мозг принадлежит мне» неприемлема как в моральном, так и в содержательном отношении. Она не может соответствовать истине ни в том смысле, что я — инициатор и собственник своих мыслей, ни в том, что я мог бы быть свободен от того, чтобы делить их с другими. Тезис, что я могу мыслить то, что хочу, также внутренне несостоятелен. Церебральный индивидуализм упускает из виду, что мозг лишь во взаимодействии с каким-нибудь другим мозгом и, более того, со своего рода более крупным мозговым ансамблем обретает определенную способность функционировать; о полной способности не отваживается говорить никто. Мозг — это среда для того, что делают или делали другие мозги. Интеллект

Если Фуко говорит о «смерти субъекта», то он имеет в виду абстрактного картезианского субъекта («мыслю, следовательно, существую»). Реальный же субъект, считает он, стремится ускользнуть от догмата «чистого мышления», заявляя о своей чувственности, телесности, иррациональности. Он сопротивляется навязыванию норм и дисциплины, ускользает в игровые сферы шуток, иронии, карнавала, безумия. И только насилие, принимающее иногда самые жесткие формы, заставляет его оставаться мыслящей вещью. Он существует до тех пор, пока существует принуждение, и пока он этому принуждению сопротивляется. С падением выработанных классической эпохой практик дисциплинирования, насилия, принуждения классической субъект «умирает».

Дисциплинарные практики производят индивида в качестве субъекта, но он и сам производит себя в качестве субъекта, проявляя «заботу о себе». Субъект никогда не сформирован окончательно, раз и навсегда, он всегда в становлении. Мишель Фуко убежден, что пока существует человечество, оно будет производить концепты субъективности, а всякая новая форма субъекта будет им сопротивляться. Из этого следует, что свобода есть не что иное, как очередное изменение дискурса. На конечное «освобождение» субъекта рассчитывать не приходится. Ситуация пребывания вне дискурсов невозможна до тех пор, пока существует человечество, общество, коммуникация. Субъект конституируется властным дискурсом, становится субъектом в момент сопротивления власти, следовательно, «освобождение» от всякой власти означало бы для субъекта смерть.

Сопротивление, конституирующее субъекта, заключается в постоянном уклонении от действия властного дискурса, побегание в маргинальность, существование в зазорах между дискурсами. Подлинное сопротивление — это «жизнь в бегах», номадизм. Если субъект в чем-то и укоренен, так именно в постоянном перемещении, в неукорененности. Жестко фиксирующая смыслы

получает необходимые для собственной деятельности ключевые раздражения лишь от другого интеллекта. Подобно языку и эмоции, интеллект — не субъект, а среда или резонансный контур» (Слотердаик П. Сферы. Микросферология. Т. 1. Пузыри. СПб., 2005. С. 275).

рационалистическая телеология, говорит Фуко, рождает подавление всякого инакомыслия. В то же время, «оседлость» субъекта постоянно подрывается его номадическим характером. Субъект стремится откочевать на территории иных смыслов, которые в рамках метафизики объявляются бессмыслицей.

Любые формы субъективной оседлости оборачиваются философским и политическим шовинизмом. Его прямыми следствиями стали развитый институт изоляции безумцев⁷, агрессивное отношение к чужакам, подозрительность к любого рода миграции и постулирование «центров» — субъекта как центра индивида, разума и рациональности как «центра» личности, Европы как центра мира, Москвы как третьего Рима, России как мирового центра «духовности» и т.п. Картезианский субъект, олицетворяющий древовидную культуру⁸, стремится объявить противозаконными всякие перемещения, но что-то в нем сопротивляется «оседлости», побуждает к перемещениям — сомнению и инакомыслию, оппозиции и несогласию, уходу в ризоматическое, номадическое существование. Постмодернизм сопротивляется традиции ссылок на авторитетных авторов и самому культу авторского текста. «Автор» — это «субъект» текста, суверенный производитель смыслов. Номадизм есть «смерть автора». Автор постоянно сопротивляется навязываемой ему роли. Отчуждаясь от роли производителя смыслов, автор «умирает», оставляя дискурсы, ответственные за производство приписываемого ему текста.

Жак Лакан также утверждает, что индивидуальное независимое сознание невозможно, индивид постоянно, и главным образом, бессознательно обуславливается в процессе своего мышления языковыми структурами, детерминирующими его мыслительные структуры. Человек новейшего времени — это «дивид». Если индивидуум неделим, то «дивид» — делим, фрагментарен. Субъект не существует до и вне дискурса. Язык со своей структурой возникает раньше, чем входит в него конкретный

---

⁷ См.: Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ, 2010.

⁸ См.: Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.

субъект. Субъект — раб языка, но в еще большей мере он раб дискурса, предписывающего ему место с самого его рождения. Как выразился Лакан, «мною говорит другой», он говорит через меня и мной, но никак не во мне. Так что гипотетический «центр» всегда находится вне того, центром чего мы его представляем. Субъект вообще не имеет центра, он «становится» во всех вероятных направлениях, но никакого магистрального направления у этого становления нет⁹.

Постмодернизм указывает на то, что благими пожеланиями Просвещения вымощена дорога в ад. Тоталитаризм XX века (в его нацистской и большевистской ипостасях), глобальные проблемы, с которыми столкнулось человечество есть прямое следствие просвещенческих идей. Буржуазное сознание, опирающееся на представление о «Я» как центре субъективности, вырабатывает понятия нормы, блага, справедливости и жестко фиксирует их. Эта жесткая фиксация диалектически требует своего иного — ненормальности, зла, несправедливости и т.п., — которое объявляется противоестественным и неправомерным. Древовидная культура, основанная на вере в «центр», постулирует существование оппозиций культурного и геополитического центра и провинции, мейнстрима и маргинальности, нормы и аномалии. Культурным и географическим центром, естественно, выступает Европа, а субъектом этой культуры — белый мужчина, здоровый, гетеросексуал, горожанин, работающий, добропорядочный гражданин. Все, кто не вписывается в это понятие, — женщины, дети, гомосексуалисты, цветные, бродяги, безработные, маргиналы, диссиденты — подвергаются дискриминации. Гуманизм, основой которого выступает центрированный субъект, порождает многочисленные институты подавления, а буржуазный либерализм плодит тоталитарные режимы. При этом сам «гуманизм» тавтологичен, ведь он «годен лишь для того, чтобы

---

⁹ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М: Гнозис, 1995.

приукрашивать и оправдывать те представления о человеке, к помощи которых он вынужден прибегать»¹⁰.

На самом же деле любые суждения о «личности» подчинены конкретным дискурсам: «личность» античности — совсем не то же самое, что «личность» Средневековья, а та, в свою очередь, не имеет ничего общего с «личностями» Нового и Новейшего времени. Все это — конструкты, рождающиеся в определенном дискурсивном пространстве. В этом смысле и можно говорить о «смерти человека» или «смерти субъекта» как конструкта модерна. Это не означает, что Фуко отрицает за человеком реальное существование. Мы, говорит он, попадаем в сети дискурса: «человек», «личность», «субъект», «субстанция», «реальное», «существование» — те конструкты, которые возникли на определенном этапе человеческой истории. «Человек», порожденный ими, «умер», перестал существовать в результате общественных трансформаций, но дал возможность существованию нового «человека», других субъектов, других «Я». Субъект не имеет никакого субстанциального содержания и противостоит любой сущности. Мы можем сделать вывод, что критика Фуко не направлена против идеи субъекта, она только способствует исключению всех пострелигиозных обращений к сущностям, естественным законам, постоянным ценностям, абсолютной истине. «Смерть субъекта» — это методологическая позиция, которая позволяет взглянуть на человека под новым углом зрения.

Таким образом, постмодернистская философия двинулась новым путем, отказываясь от старого понимания человека, личности, «Я». Она делает попытку осмысления современных глобализационных процессов, в результате чего рождается новое понимание человека. Она предлагает осмыслить идентичность современного человека как рассеянную, номадическую, ризоматическую, связанную с особенностями организации его ментальности,

---

¹⁰ Фуко М. Что такое Просвещение? / Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1. М., 2002. С. 351.

и пытается обозначить структуры идентичности этой множественной расщепленной личности.

Постмодернизм отвергает шизофрению пассивную, приветствуя и поощряя шизофрению активную — ту, которая сознательно отвергает репрессивные каноны культуры, ускользает от «определенностей», открыто заявляя об импульсах и желаниях, идущих из глубины человеческого существа. Доверившись собственному желанию, психическому и телесному продуцированию того, что действительно хочется, человек учится жить в согласии, гармонии, сопричастности с природой, обществом и самим собой. Главной характеристикой человеческого существования выступает свобода. В условиях постмодернистского общества, сделавшего игру принципом своей жизни, она становится резервуаром неопределенности и творческого многообразия, демонстрируя свою бесосновность, произвольность и самодетерминированность — в контексте коммуникативно-игрового социального бытия. Постмодернистский шизофренический процесс — это прорыв, но не распад, «становящееся», но не «ставшее». Шизоопыт есть опыт путешествия на край возможностей человека, опыт мышления и действия у границ, на пределе.

«Постмодернистский шизопроект — это, естественно, не клиника, не нечто патологически расстроенное и потому необратимое, а попытка вырваться из смиренной, или нормализующей рубашки социальных кодов, которые делают жизнь человека жестко регламентированной, безликой и репродуктивной. Цель у шизоанализа и шизопроекта одна — сделать социальную нормативность, а через нее и социальную среду в целом более гибкой, человечески податливой, а человеческого индивида («дивид») — предельно раскованным, ситуационно пластичным, творчески инициативным и самостоятельным»¹¹.

Постмодернистская «дивидность» выводит человека за границы, полагаемые пространственным положением его тела. Деление на внутреннее и внешнее, по сути, исчезает, человек шагает вовне, детерриториализуется.

---

¹¹ Гречко П.К. Идентичность — постмодернистская перспектива // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Том IV. Человек в поисках идентичности. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. Т. 4. С. 175-176.

Перед нами всегда «индивид-в-некотором-контексте», в социально-культурном окружении. В терминологии Фуко и Делеза, внутренне-человеческое предстает как складка внешне-социального. Складывается не человек как биологическое существо, а его «метафизическое», человеческое измерение. Человеческое в человеке в том, что связывает людей друг с другом, во взаимодействии, в коммуникации и взаимопонимании.

Для домодернистской эпохи характерен социальный полимеризм (множество повторяющихся звеньев, индивидов). В таком традиционалистском обществе человек выступает в качестве коллективиста, жизнь которого жестко детерминирована. Для традиционалиста свойственна конкретика индивидуального и коллективного мышления; погруженный в миф, он оперирует не понятийными категориями всеобщего, а конкретной семантикой единичного; иначе говоря, он переживает явление конкретно-образно, не осмысливая его сущность. Раннеиндустриальная ментальность задает неразрывную связь идентификации с исторической памятью, с возрождением и повторением прошлого, что часто растворяет ее в мемориальности и монументальности.

Модерну, индустриализму как исторической эпохе свойствен индивидуализм. Он атомизирует историческую реальность, социальную ткань бытия. В эту эпоху индивидуалист — социальный атом общества. Классический модерн, пришедший на смену традиционному обществу, провозгласил приоритет динамических ценностей — развития и совершенствования, движения вперед — к разуму и свету. Отвоеванное у Средневековья право на динамику, движение, безусловно, увеличивало свободу, но само движение осуществлялось в строго установленном направлении. Модерн тоже строился на жесткой дисциплине: вырабатывая новые «дисциплинарные практики», он по сути заменил «старый порядок» на другой, более соответствующий реалиям. Однако нужно признать, что классическое общество модерна, воспитанное на Просвещении и научно-

технической революции, ушло в историю. Сейчас люди живут в совершенно другом мире, который нуждается в новом подходе и новых интерпретациях.

В постиндустриальную эпоху акцент делается на самовыражении и самоутверждении, на собственной значимости. Культурные смыслы и ценности переводятся в индивидуальные способы осмысления личностного существования. Постмодернизм предостерегает индивида от опасностей зависимости от социализации и поглощения массой, его дух идентичности чужд отождествлению и уподоблению, недоверчив к целому, единому, привилегиям, авторитету, власти.

Постмодернизм претендует на выявление комбинаторной беспредельности конечного человеческого бытия (ведь вариантов построения и проживания человеческой жизни бесчисленное множество), но при этом он лишен опоры на трансцендентное, потустороннее, вечное, ибо для не существует не только иного мира, Бога, Коллективного Разума, абсолютных ценностей, но и личного бессмертия, как и бессмертия нации, этноса, семьи, государства, мира. Постмодернистская трактовка бытия личности укладывается в определение, данное Делезом и Гваттари:

«У нас нет никакой причины полагать, будто способы существования нуждаются в трансцендентных ценностях, которые позволяли бы их сравнивать, отбирать и определять, какой из них «лучше» другого. Напротив, критерии бывают только имманентными, и та или иная жизненная возможность оценивается сама по себе по движениям, которые прочерчивает, и по интенсивностям, которые создает в плане имманенции; отбрасывается то, что ничего не прочерчивает и не создает. Способ существования бывает хорошим или плохим, благородным или вульгарным, полным или пустым независимо от Добра и Зла, вообще от всякой трансцендентной ценности; всегда бывает только один критерий — экзистенциальная емкость, интенсификация жизни»¹².

В эпоху модерна субъект — это автономная, самодостаточная инстанция, сама для себя являющаяся основанием существования. В эпоху постмодерна индивидуальность человека скорее есть коллаж, чем субстанция, — она мозаична, подвижна, текуча, мобильна и фрагментарна.

---

¹² Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998. С. 97.

Постмодернистский «дивид» не распадается — он просто переходит от одного жизненного проекта к другому, делая это как под давлением жизненных обстоятельств, так и из эстетического наслаждения игрой своих физических и интеллектуальных сил. Интерсубъективность в применении к идентичности означает признание и уважение в другом его личности. Другой в условиях постмодерна и социального молекуляризма является выражением никакими барьерами не прерываемой коммуникации¹³. Человек постмодерна исходит из того, что у каждого человека в жизни свой индивидуальный, ограниченный потенциал, развивать который нужно по собственному усмотрению, отвечая на имманентные потребности снизу, а не на команды, идущие сверху.

Жизнь человека разворачивается в плоскости имманентного, ибо для него не существует больше трансцендентного. Дух и духовное в их прежнем значении не пользуются большой популярностью и потому оказываются невостребованными. Стремление к новизне ограничивается новизной потребительской корзины — новыми брендами, ощущениями, впечатлениями, переживаниями, товарами. Полнота раскрытия потенциала индивида измеряется не близостью или отдаленностью от идеала, а ситуативной реализацией наличных сил и возможностей. Жизнь не воспринимается всерьез, потому что она лишена какого-либо трансцендентного смысла. Возникает мода на свою индивидуальность, на свою прожитую жизнь, на свой жизненный проект, на «заботу о себе». Однако «забота о себе» часто ограничивается заботой о собственном здоровье и стремлением не отстать, быть в русле, гуще, мейнстриме.

В итоге получается некая полнота отдельных жизненных проектов, реализовать которые можно в социуме, настроенном на постмодернистскую игру и эстетическое наслаждение. Главное — дойти до своего собственного предела, даже если этот предел и не содержит особой новизны. Эта задача в раскрытии своих потенциальных сил делает людей равными друг другу в их

---

¹³ Коммуникация в условиях постмодерна приобретает своеобразные формы. Мир постмодерна — это мир одиночек. Развитие интернета и сотовой связи приводит к тому, что людям проще общаться по скайпу, мобильному телефону или через социальную сеть, чем «вживую».

человеческом достоинстве и создает новое сообщество. Каким оно будет, мы пока не знаем и знать не можем, ибо нам не дано заглянуть в будущее.